

Еникеев Анатолий Анатольевич**Enikeev Anatoly Anatolyevich**

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии
Кубанского государственного аграрного
университета имени И.Т. Трубилина

PhD, Associate Professor,
Philosophy Department,
Kuban State Agrarian University

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЯЗЫКА И ГЕРМЕНЕВТИКА В ПРОСТРАНСТВЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК XX В.

PHENOMENOLOGY OF LANGUAGE AND HERMENEUTICS IN THE HUMANITIES OF THE 20TH CENTURY

Аннотация:

Статья посвящена описанию роли герменевтики в развитии гуманитарных наук XX в. Актуальность исследования объясняется переходом герменевтики из разряда частной гуманитарной практики через методологию гуманитарного познания к общей междисциплинарной области исследований. Автор проводит анализ ситуации в науке на рубеже XIX–XX вв., когда произошел «эпистемологический разрыв», который привел к появлению философии языка. Далее исследуются эвристический потенциал феноменологии и ее вклад в развитие герменевтики. Отдельно изучается влияние М. Хайдеггера как на философию языка, так и на герменевтику. Указывается, что проблема «герменевтического круга» и понимания стала обязательной частью современных исследований в области гуманитаристики. Герменевтика остается ведущей методологией исследования, поскольку сохраняется значимость проблемы понимания и интерпретации текста в современном философском дискурсе.

Ключевые слова:

герменевтика, текст, интерпретация, понимание, феноменология, философия языка, гуманитарные науки.

Summary:

The paper describes the role of hermeneutics in the humanities development in the 20th century. The relevance of the study is explained by the transition of hermeneutics from private humanitarian practice through the methods of humanitarian cognition to the overall multidisciplinary scope of study. The author analyzes the situation in science at the turn of the 19th–20th centuries. At this period, there was the “epistemological gap” that led to the emergence of the philosophy of language. Then the heuristic capacity of phenomenology and its contribution to the development of hermeneutics are examined. The author makes particular reference to the impact of M. Heidegger both on the philosophy of language and hermeneutics. The paper notes that the issue of the “hermeneutic circle” and understanding has become an integral part of modern research in the field of humanities. Hermeneutics continues to be the leading research method, as the problem of understanding and interpretation of the text remains important in the contemporary philosophical discourse.

Keywords:

hermeneutics, text, interpretation, understanding, phenomenology, philosophy of language, humanities.

Введение. Постановка проблемы

Актуальность исследования во многом определяется тем обстоятельством, что герменевтика за последние сто пятьдесят лет прошла путь от частной гуманитарной практики через методологию гуманитарного познания к общей междисциплинарной области исследований, использующей широкий арсенал современных дискурсивных инвестиций. Множество представителей и достаточное разнообразие используемых методологических приемов делают герменевтику востребованной в современном научном познании, поскольку фундаментальные положения данной области исследований отвечают самым высоким требованиям, предъявляемым к современному научному знанию. Данное обстоятельство требует детального рассмотрения проблемы эволюции герменевтического направления и изучения эвристического потенциала данной методологии в современном гуманитарном дискурсе.

Наша задача – показать динамику развития герменевтической методологии и обосновать ее неслучайный характер для современной науки, поскольку очевидно, что революция в гуманитарных науках на рубеже XIX–XX вв. во многом была предопределена не столько развитием «философии жизни» как направления в философии, сколько исследованиями в области языка и текста. Именно так об этом говорит Г.-Г. Гадамер, давая ретроспективную оценку влияния герменевтики на гуманитарную науку XX в. [1]. Новизна исследования заключается в том, чтобы обосновать идею, согласно которой герменевтика оказалась своеобразным эпистемологическим связующим звеном между феноменологией языка и философией текста. Поэтому герменевтика смогла сохранить преемственность языковой (текстуальной) проблематики через широкое русло гуманитарных практик XX в., тем самым обеспечив актуальность герменевтических исследований в XXI в.

1. Институциональная ситуация в гуманитарных науках на рубеже XIX–XX вв.

Известный российский исследователь институциональных преобразований в среде немецких университетов Виталий Куренной следующим образом описывает ситуацию, которая сложилась на рубеже веков в гуманитарной науке относительно герменевтики в целом и проблемы понимания в частности. Во-первых, немецкая университетская образовательная среда должна была учитывать влияние Просвещения в качестве мощного фундирующего принципа, который со времен Канта активно вмешивается в «спор факультетов». Во-вторых, немаловажным оказывается фактор под общим названием «университет Гумбольдта», понимаемый в данном случае как совмещение преподавания и исследования, что, по мысли В. Куренного, является важнейшим институциональным фактором. «Принцип исследования является, по сути, институциональной нормой, воплощающей эпистемологические стандарты антисистемного, открытого образа научного знания» [2, с. 13]. И, в-третьих, динамика происходящих процессов во многом определялась так называемым «разрывом коммуникативного пространства», преодоление которого посредством функции понимания, которое в свою очередь является прерогативой герменевтики, заслуживает отдельного рассмотрения.

Разрыв коммуникативного пространства немецкой академической среды, по мысли В. Куренного, возник под влиянием двух факторов: необходимости изменений «эпистемологических стандартов знания» и «сциентизации» гуманитарной науки (или совокупности наук о духе) в целом и философии в частности. «Тенденцию к сциентизации гуманитарного и, шире, философского познания в XIX в. следует, на мой взгляд, рассматривать как попытку выхода из ситуации разрыва коммуникативного пространства, в которую институционализируемая философия была поставлена в результате расцвета множества конфликтующих систем в рамках немецкой классической философии...» [3, с. 8]. К этим двум факторам следует добавить третий – зарождение «психологизма» (и проблема его преодоления в философии) в качестве универсальной междисциплинарной парадигмы решения ряда важных для гуманитаристики того времени вопросов.

Забегая вперед, можно сказать, что из всего разнообразия моделей философствования, которые возникли во второй половине XIX в., только феноменология смогла дать достойный ответ брошенным вызовам. Феноменология и преодолела необходимость «сциентификации» философского дискурса, и определила место психологизму в качестве познавательной установки [4], и задала новые «эпистемологические стандарты», которые позволили решить, по мысли В. Куренного, проблему «коммуникативного разрыва» в философии и гуманитарных науках на рубеже XIX–XX вв. Также не следует забывать, что феноменология «обновила» (если можно так выразиться) традиционный арсенал герменевтических методик, придав им более универсальный и в то же время прагматический характер в качестве дискурсивных практик работы с языком и текстом.

«Коммуникативная нормализация философского дискурса» и создание новой эпистемологической модели привели к двум обстоятельствам, без которых гуманитарная наука XX в. была бы немислима. Во-первых, это решение проблемы преемственности философского знания. «Проблема преемственности в развитии философского знания и его intersubъективная значимость является с этого момента той осью, вокруг которой осуществляется кристаллизация основных философских инноваций вплоть до логического позитивизма» [5, с. 12]. И, во-вторых, это решение проблемы открытости философского знания, выход за пределы замкнутых философских систем. Это стало возможно благодаря «понимающей функции» философии, и «герменевтического круга» в частности. «Требуемая открытость философским образом проработанной модели понимания достигается за счет введения в научный оборот конструкции, известной под названием “герменевтического круга”, своеобразно преломляющей проблему целого и частей... Однако та же категориальная пара части и целого, использованная в модели герменевтического круга, имела более перспективное будущее. Вместо загадочной несводимости целого к частям возникает чисто эпистемологическая процедура перманентного понимающего движения от частей к целому и обратно. Будучи методологически проработано, это движение обретает форму бесконечной исследовательской задачи» [6, с. 13].

Трудно не согласиться с таким заключением В. Куренного, который, исходя из эпистемологической ситуации в гуманитарной науке XXI в., довольно точно определяет ту роль, которую на рубеже XIX–XX вв. сыграла герменевтическая методология в решении целого ряда важнейших для XX в. языковых проблем. Также следует добавить, что языковая проблематика, в том числе в рамках развития герменевтики, очень часто оказывается той универсальной (и отчасти нейтральной) областью исследований, которая позволяет сохранять «чистоту» научного дискурса и в то же время способствовать развитию самых разнообразных философских дискурсов.

2. Феноменология как «новый исток» герменевтики

Отношения между феноменологией и герменевтикой носят не только сложный институциональный характер (в качестве параллельно развивающихся научных дисциплин), но и характер

взаимно пересекающихся проблемных областей, поскольку имеют дело с проблемой сознания и языка в первую очередь. П. Рикер назвал данную ситуацию «прививкой герменевтической проблематики к феноменологическому методу» [7, с. 3]. Следует детально остановиться на основных принципах данной «прививки» в контексте языковой проблематики.

Во-первых, П. Рикер совершенно справедливо замечает, что герменевтическая проблематика (особенно проблема толкования текста) возникла гораздо раньше, чем проблематика собственно феноменологическая, поэтому вышеозначенную «прививку» можно считать «запоздальной». Во-вторых, герменевтика гораздо раньше, чем феноменология, вышла на уровень межкультурной коммуникации, поскольку проблема понимания – это в первую очередь проблема культурного диалога в широком историческом контексте, в то время как феноменология Э. Гуссерля только в поздний период его творчества подобралась к проблеме «интерсубъективности» в широком смысле этого слова. В-третьих, решающее значение для герменевтики имеют исторические исследования В. Дильтея, в которых он придал «наукам о духе» тот широкий гуманитарный контекст, который был так важен для развития социально-гуманитарных наук XX в.

П. Рикер утверждает, что «...в феноменологии существует два способа обоснования герменевтики» [8, с. 7]. Первый способ называется П. Рикером «онтологией понимания» и связывается с именем М. Хайдеггера, который отказался от решения методологических проблем и предложил вместо этого «аналитику присутствия» (Dasein). Второй способ более трудоемкий («длинный»), поскольку предполагает тщательный семантический и рефлексивный анализ языка и текста. Именно второму способу обоснования герменевтики П. Рикер уделяет большую часть своего внимания, справедливо полагая его движущим мотивом развития герменевтического движения.

Семантический анализ, по мысли П. Рикера, исходит из признания того факта, что «...только в языке выражается всякое онтическое или онтологическое понимание» [9, с. 16]. Важным обстоятельством данной языковой обусловленности является так называемое «семантическое ядро» любой герменевтики. «Представляется, что общий элемент, присутствующий всюду – от экзегезы до психоанализа, – это определенная конструкция смысла, которую можно было назвать дву-смысленной или много-смысленной; ее роль всякий раз (хотя и несходным образом) состоит в том, чтобы показывать, скрывая» [10, с. 17]. Таким образом, основную герменевтическую задачу можно свести к семантике многозначных выражений. Ключевым элементом такого рода семантики будет «символ», который понимается П. Рикером отличным от концепции Э. Кассирера образом.

Для П. Рикера символ – это «...всякая структура значения, где один смысл – прямой, первичный, буквальный, означает одновременно и другой смысл, косвенный, вторичный, иносказательный, который может быть понят лишь через первый» [11, с. 18]. Более того, «...этот круг выражений с двойным смыслом составляет собственно герменевтическое поле» [12]. Тогда как Э. Кассирер широко трактует символ как любое восприятие реальности при помощи знаков, что для решения задач герменевтики представляется недостаточным [13].

Поскольку сложное взаимодействие двух уровней смысла любого языкового выражения или текста является довольно сложным и неоднозначным процессом, требующим определенных умственных усилий, то здесь и возникает проблема интерпретации в качестве «краеугольного камня» герменевтического поля исследований. «В связи с этим понятие интерпретации получает вполне определенное значение; я предлагаю придать ему такое же широкое толкование, что и символу; интерпретация, скажем мы, это работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении...» [14, с. 18].

Таким образом, широко трактуемая проблема интерпретации в качестве ключевого механизма герменевтического анализа выводит герменевтику в широкий контекст гуманитарных практик XX в. Сам П. Рикер указывает на то, что герменевтика в XX в. сохранила свою связь с традиционной экзегетикой и в то же время вступила в продуктивный диалог как с психоанализом во всех его поздних редакциях, так и с аналитической философией, особенно в контексте ее языковой проблематики [15]. Несмотря на различные трактовки уровня развития философии языка сегодня, можно согласиться с мнением П. Рикера, что герменевтика внесла решающий вклад в развитие данных исследований. «Я рассматриваю эту общую герменевтику как вклад в создание внушительной философии языка, отсутствие которой мы сегодня ощущаем» [16, с. 23].

3. Феноменологическая герменевтика М. Хайдеггера и «путь к языку»

Ключевой фигурой в становлении современной герменевтической проблематики, в частности инициатором перехода от феноменологии языка к герменевтике текста, является М. Хайдеггер. Именно М. Хайдеггер в своих ранних работах поставил вопрос о «герменевтике фактичности», предложил методы «Dasein-аналитики» и вывел гуманитарную проблематику языка на новый уровень обсуждения [17]. Язык стал пониматься не только как инструментальная составляющая процесса познания или «интенциональный ресурс» феноменологической аналитики, но как самостоятельная среда обитания человека, онтологическое пространство его мышления. Данное

обстоятельство позволило обогатить феноменологическое движение проблематикой телесности, которая также связана с проблемой языка и текста, с описанием особого пространства репрезентации человеческой субъективности. Наиболее убедительно это можно увидеть в работах поздних феноменологов, таких как М. Мерло-Понти, Ж.-Ф. Лиотар или Э. Левинас.

Заслугой М. Хайдеггера является также то обстоятельство, что он обогатил философский язык новым этимологическим содержанием традиционных философских концептов, обратил внимание на многозначность «греческих корней», используемых в философии понятий и продемонстрировал в своих работах (особенно позднего периода) высокий уровень «герменевтической чувствительности» к проблемам языка и текста, подчас занимаясь подробным текстологическим анализом отдельных фрагментов поэтических или философских произведений. Данное движение самим М. Хайдеггером было названо «поворотом к языку» и имело ряд характерных особенностей, на которых следует остановиться подробнее, чтобы понять специфику того «герменевтического шлейфа», который связывается с именем этого немецкого мыслителя.

Во-первых, М. Хайдеггер радикальным образом расширил понятие «герменевтического круга», включив в него процедуру «предпонимания», с одной стороны, и избавившись от сугубо формального отношения части и целого в интерпретации текста – с другой. «Конечно, о круговой структуре понимания уже шла речь в герменевтической теории XIX в., однако лишь в рамках формального отношения частного и общего или субъективного рефлекса этих отношений. Согласно этой теории, круговое движение понимания происходит туда и обратно в пределах текста и снимается в его законченном понимании. В противоположность этому М. Хайдеггер описывает круг так, что предвосхищающее движение предпонимания постоянно определяет понимание текста» [18, с. 347–348].

Во-вторых, М. Хайдеггер включил в процедуру понимания временной фактор, тем самым не только укрепив онтологические и экзистенциальные основания человеческого понимания, но и придав герменевтике текста новое измерение – время интерпретации, понимаемое в контексте культурной традиции. Тем самым М. Хайдеггер преодолел историзм В. Дильтея, с одной стороны, и вышел за пределы феноменологии «внутреннего времени» Э. Гуссерля – с другой. Г.-Г. Гадамер подчеркивает важность «временного отстояния» М. Хайдеггера и его герменевтическую плодотворность. «Однако время вовсе не является пропастью, которую следует преодолеть, поскольку она разделяет и отдаляет, – время в действительности суть несущее основание того свершения, в котором коренится настоящее. Временное отстояние, таким образом, вовсе не следует преодолевать. В действительности же речь идет о том, чтобы познать отстояние во времени как позитивную и продуктивную возможность понимания. Это вовсе не зияющая бездна, но непрерывность обычаев и традиции, в свете которых является нам всякое предание» [19, с. 352].

И, в-третьих, М. Хайдеггер описывает своеобразную «путеводную нить» языка, когда предлагает «дать слово языку как именно языку» [20, с. 264]. М. Хайдеггер создает целую сеть текстологических метафор языка, описывая не только его пространственную логику или событийность, но и неизбежную связь с традицией, речью, «сказом». Именно «сказ» как метафора путеводной нити языка является, по мысли М. Хайдеггера, тем существенным «делом понимания», которое составляет суть герменевтики текста. «С излагающим истолкованием языка как сказа путь к языку достигает своей цели и тем самым конца при языке как таковом» [21, с. 267]. Сказ, с учетом всей сложности этимологических инвестиций М. Хайдеггера, является, по сути, текстуальной структурой, в широком смысле этого слова. И М. Хайдеггер многословно показывает текстуальную, связанную и переплетенную (не будем забывать, что этимологически текст – это ткань, связь, переплетение) его природу. «Сказ есть скрепляющая всякую явь собранность многосложного в себе показывания, которое повсюду допускает указанному остаться при себе самом» [22, с. 268].

Данный подход к языку со стороны М. Хайдеггера послужил основанием для проекта его «фундаментальной онтологии», которая стала ключевым механизмом понимания сущности и специфики философского дискурса XX в.

Заключение. Выводы

В качестве выводов следует сказать следующее. Связь между феноменологией и герменевтикой является не случайной и во многом определяется сложной институциональной ситуацией в гуманитарных науках на рубеже XIX–XX вв., тем, что В. Куренной назвал необходимостью преодоления «коммуникативного разрыва» [23, с. 12]. Вторым важным обстоятельством является то, что языковая проблематика (философия языка, герменевтика, психоанализ) начала XX в. оказалась тем связующим звеном между философией и другими гуманитарными науками, которое сохранило целостность и значимость философской традиции. И, наконец, решающую роль в этих вопросах сыграла деятельность М. Хайдеггера. Именно феноменологическая герменевтика М. Хайдеггера оказалась ключевым этапом в развитии гуманитарного дискурса XX в., поскольку не только обеспечила связь феноменологического и герменевтического движений, но и задала параметры новых текстологических исследований в области аналитической философии [24], «неориторике научных исследований» [25] и постструктурализма в целом.

Ссылки:

1. Gadamer H.-G. Text und Interpretation // Deutsch-Französische Debatte mit Beiträgen von J. Derrida, Ph. Forget, M. Frank, H.-G. Gadamer, J. Greisch und F. Laruelle / hrsg. von Ph. Forget. München, 1984. S. 24–55.
2. Куренной В. Функции понимания в философии и методологии гуманитарных наук (На материале немецкой философии XIX – начала XX в.) // Логос. Философско-литературный журнал. 2007. № 5 (62). С. 3–20.
3. Там же. С. 8.
4. Куренной В. Психологизм и его критика Эдмундом Гуссерлем // Логос. Философско-литературный журнал. 2010. № 5 (78). С. 166–182.
5. Куренной В. Функции понимания ... С. 12.
6. Там же. С. 13.
7. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995.
8. Там же. С. 7.
9. Там же. С. 16.
10. Там же. С. 17.
11. Там же. С. 18.
12. Там же.
13. Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen. Bd. 1–3. Darmstadt, 1997.
14. Рикер П. Указ. соч. С. 18.
15. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994. 612 с.
16. Рикер П. Указ. соч. С. 23.
17. Хайдеггер М. Цолликонеровские семинары (O Daseinanalytik'e) // Логос. Философско-литературный журнал. 1992. № 1 (3). С. 82–97.
18. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. 704 с.
19. Там же. С. 352.
20. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993. 447 с.
21. Там же. С. 267.
22. Там же. С. 268.
23. Куренной В. Функции понимания ... С. 12.
24. Apel K.-O. Transformation der Philosophie. Bd. I–II. 4. Aufl. Frankfurt am Mein, 1991.
25. Gabriel G. Logik und Rhetorik der Erkenntnis. Paderborn, 1997. Kap. 1.